

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПАНОРАМА УРАЛА

А. В. Головнёв УРАЛЬСКИЕ ЭТНОДИАЛОГИ*

Продолжая работу над созданием «Этнопанорамы Урала»,¹ я предлагаю обзор размышлений об этничности жителей Северного и Южного Урала, отраженных в анкетах и интервью ЭтноЭкспедиции (далее — ЭЭ). Этот обзор изобилует количественными данными, которые всегда отягощают гуманитарное исследование и не всегда его украшают. Гуманитарный текст с множеством чисел вызывает ощущение чужого языка, в котором смыслы подменяются числами — безликой фактурой, позволяющей «научно» шифровать самые субъективные авторские домыслы. Однако в анализе ответов на вопросы анкет без чисел не обойтись, поскольку именно они обеспечивают количественный замер умонастроений. В оправдание замечу, что я обхожусь самыми простыми подсчетами — по большей части вычислениями элементарного удельного веса того или иного суждения, в чем нет ухищрений математики, а есть лишь «рейтинг голосов». Кроме того, в основании анкетирования лежат не произвольные вопросы, а позиции, выявленные ранее в ходе глубоких интервью; тем самым «анкетные проценты» лишь количественно обрамляют реальные высказывания.

ЭтноЭкспедиция

Уральская ЭтноЭкспедиция, развернувшая с 2011 г. систематические исследования народов и культур Урала от Арктики до Великой степи, в летний полевой сезон 2012 г. работала по программе «Этнокультурное наследие и идентичность» в Шурышкарском районе Ямало-Ненецкого АО, Ивдельском и Нижне-

сергинском районах Свердловской области и Нагайбакском районе Челябинской области. В состав экспедиции входило четыре отряда — Полярный, Северный, Центральный и Южный (рис. 1).²

В тематике ЭЭ обозначены приоритеты: Урал как этноперекресток, соотношение традиций и новаций, древние и современные пути и коммуникации, вариации и ситуативность идентичности, культура этнодиалога, этнофото и этнокино. Методы наблюдения и интервью позволяют выявить персональные мнения и уловить настроения, а анкетирование — свести индивидуальные позиции в «совокупные рейтинги».

Анкета «Этнокультурное наследие и идентичность» содержит 74 вопроса, распределенных на 3 блока — «Наследие», «Идентичность» и «Проблемы». По объему и содержанию это скорее формализованное интервью, чем опросный лист. Многие вопросы в анкете являются открытыми, т. е. предполагают не выбор ответа из предложенных подсказок с окошком для галочки, а собственные формулировки (по существу высказывания), что делает анкетирование реальным «этноэкзаменом» и превращает его в продолжительное интервью.

Объем статьи ограничивает представление материалов ЭЭ самым общим обзором результатов анализа анкет, исключая гендерные и возрастные проекции, обходя многие вопросы и целые тематические блоки. Привлечены материалы только двух отрядов, работавших на севере и юге Урала. Эти два района Урала, условно обозначенные нами как Север и Юг, представлены этнически смешанными сообществами: на Севере, в Шурышкарском районе Ямало-Ненецкого автономного округа, среди населения численностью 9 807 чел. (на начало 2012 г.) преобладают ханты (52,25 % по переписи 2010 г.), коми (21 %) и русские (20,8 %); на Юге, в Нагайбакском районе Челябин-

¹ См.: Головнёв А. В. Этничность и идентичность на Урале // Урал. ист. вестн. 2011. № 2 (31). С. 40–49.

Головнёв Андрей Владимирович — чл.-корр. РАН, г.н.с. Института истории и археологии, зав. кафедрой археологии и этнологии УрФУ (г. Екатеринбург)
E-mail: Andrei_Golovnev@bk.ru

* Работа выполнена по проектам «Истоки и традиции уральских культур: пространственно-временная динамика» (12-П-6-2016) в рамках программ Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» и «Границы и перекрестки урало-сибирского пространства: сценарии этнокультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)» (12-С-6-1005) Программы межрегиональных и межведомственных фундаментальных исследований УрО РАН

² Состав Уральской ЭтноЭкспедиции 2012 г. под руководством А. В. Головнёва: Полярный отряд — М. С. Калугина, Н. А. Бирюкова, Л. Е. Крупин, Д. А. Полетаев, М. А. Полтавец, А. А. Судакова; Северный отряд — Е. В. Первалова, А. Е. Курлаев; Центральный отряд — С. А. Белобородов, А. С. Палкин, А. В. Бобицкий, Е. С. Калмыкова, А. Михеева, И. Николаев, Д. Г. Пракоп, Ф. Рассохин, Т. Романюк, Д. В. Сергеев, А. С. Чувашева; Южный отряд — С. Ю. Белоруссова, В. А. Печняк, А. Г. Григорьева, Т. В. Валов, Д. А. Снигирева, А. И. Титов.

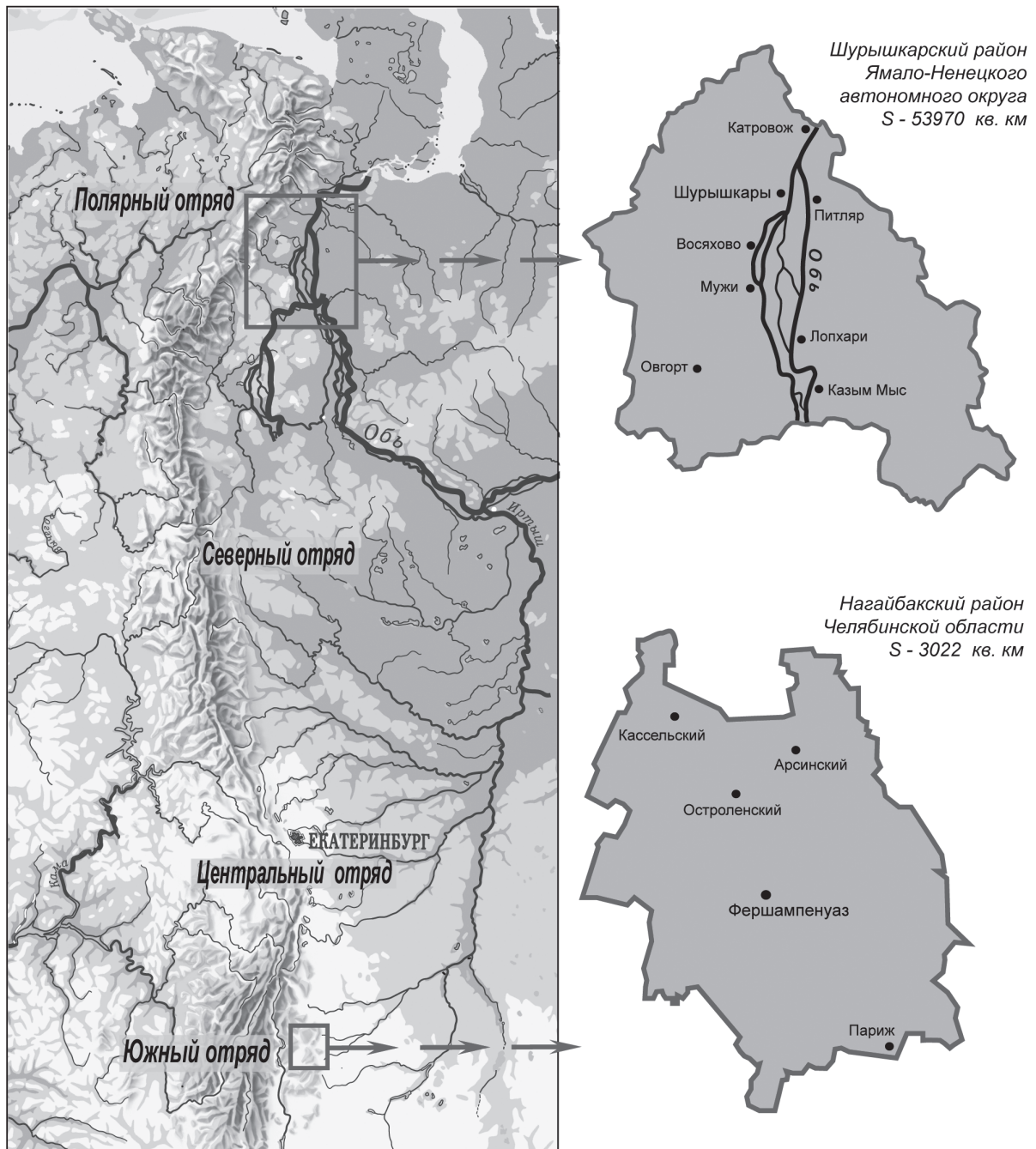

Рис. 1. Карта работ Уральской ЭтноЭкспедиции 2012 г.

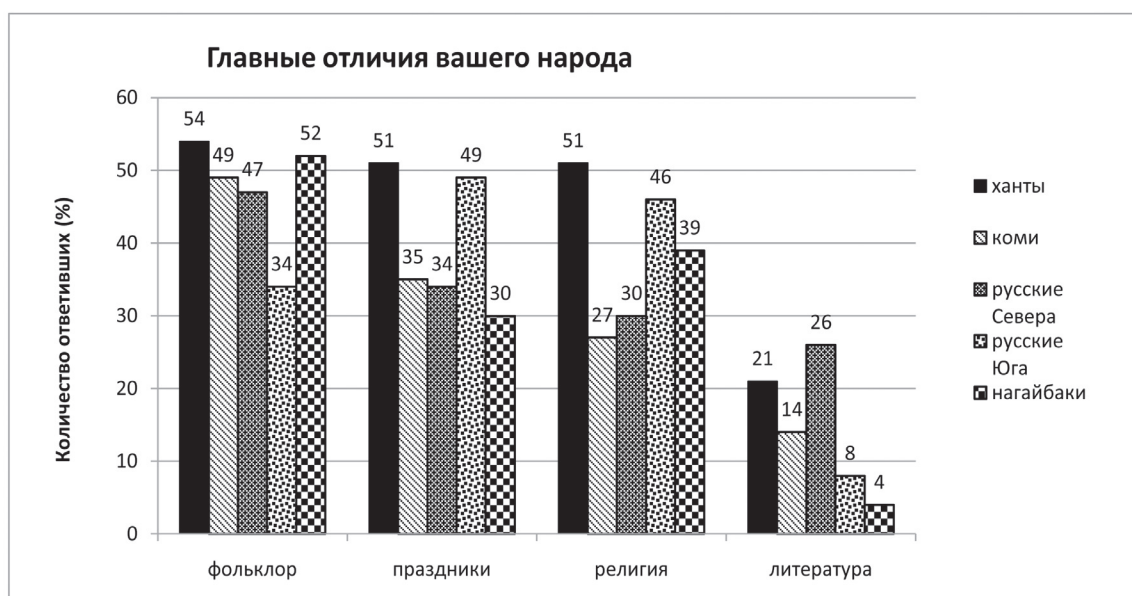
ской области, при численности населения 20 927 чел. (по переписи 2010 г.) преобладают русские (45 %) и нагайбаки (29 %).

Север и Юг удобны для сопоставления, поскольку, с одной стороны, относятся к одному региону (Уралу), с другой — независимы друг от друга в административном и социокультурном отношениях. Между ними нет общей границы, они не связаны друг с другом миграционными и информационными каналами. Районы сопоставимы и по картине этничности: представляющие их сообщества выглядят вполне равновелико, а не меньшинствами на

фоне русских (на Севере русские оказываются даже локальным меньшинством).

В Шурышкарском районе ЯНАО Полярным отрядом ЭЭ летом 2012 г. было опрошено 97 человек (73 женщины и 24 мужчины в возрасте от 14 до 87 лет); в числе опрошенных — 33 ханта, 37 коми, 23 русских, проживающих в с. Мужы, пос. Овгорт, Восяхово, Тильтим, Усть-Войкары, Питляр, Ямгорт, Шурышкары. В Нагайбакском районе Челябинской области Южным отрядом ЭЭ было опрошено 108 человек (73 женщины и 35 мужчин в возрасте от 16 до 80 лет), в том числе 56 нагайбаков и 26 рус-

Рис. 2

ских, проживающих в селах Фершампенуаз, Париж, Остроленка, Кассель, Арси.³

Ракурсы этничности

Вопрос анкеты «Что объединяет человека с людьми его национальности?» выявил ведущую роль языка: на Севере его значимость отметила почти половина респондентов (47%), в том числе 62% коми, 45% хантов и 26% русских; на Юге — он также занял верхнюю строчку (28%), собрав голоса 33% нагайбаков и 11% русских. Меньшее внимание к языку в ответах русских объясняется, во-первых, очевидной коммуникативной ролью русского языка, не требующей актуализации; во-вторых, тем, что он связывает не только русских, но и другие народы, тем самым выходя за рамки этничности.

Зато в окружении русского языка значение других языков в этническом общении актуализируется. Особенно это заметно при угрозе утраты языка, например, у коми Севера. Молодежь, свободно общающаяся по-русски, не утруждает себя изучением коми языка, а поколение родителей дорожит этим средством «родного» общения. По мнению В. И. Конева, главы администрации д. Восяхово, ситуация осложняется тем, что в местной школе дети учат коми язык по учебникам, написанным в Сыктывкаре; а поскольку сыктывкарский диалект отличается от зауральского, дети говорят не так, как их родители. 83-летний И. В. Арте-

ев, сетуя на утрату коми языка, в то же время подсмеивается над молодежью, пытающейся говорить по-коми: «До того это у них смешно получается, что лучше бы и не говорили».

Следующей за языком обозначилась объединяющая роль «культуры/традиции», отмеченная в анкетах 23% северян (36% хантов, 19% коми, 17% русских) и 29% южан (31% нагайбаков и 19% русских). Кроме того, на Юге высок рейтинг религии: ее значимость отметили 14% опрошенных (14% нагайбаков и 11% русских), что связано с особым значением православия в обособлении нагайбаков от тюркоязычных соседей, прежде всего казахов и татар.

Сходное распределение значений выразилось в ответах на вопрос анкеты «Самое ценное в культурном наследии вашего народа», где верхнюю строчку занял «язык» (35% коми, 30% хантов, 25% нагайбаков, 13% русских Севера и 4% русских Юга). За ним на Севере следуют «культура/традиции» (с акцентом на «одежде» у коми) и «праздники». На Юге второе место занимает «религия» (18%), вплотную приближаясь к «языку» (20%).

Еще один вопрос в том же тематическом поле сфокусирован на самобытности — «Главные отличия вашего народа» (рис. 2). Здесь на первой позиции оказался «фольклор», собрав на Севере 52% голосов, на Юге — 47% (54% хантов, 52% нагайбаков, 49% коми, 47% русских Севера и 34% русских Юга). Следом идут «праздники» (51% хантов, 49% русских Юга, 35% коми, 34% русских Севера, 30% нагайбаков) и «религия» (51% хантов, 46% русских Юга, 39% нагайбаков, 30% русских Севера, 27% коми).

³ Обработку анкет Полярного и Южного отрядов и сведения их материалов в удобную для анализа базу данных выполнила М. С. Калугина.

«Фольклор» занял верхнюю позицию в рейтинге, хотя среди предложенных вариантов ответов он стоит на четвертом месте, вслед за «религией», «праздниками» и «архитектурой». Как видно, устная традиция до сих пор обладает существенным потенциалом этничности (можно представить его значение в прошлом). Его рейтинг определенно связан с мифологией, явно и неявно насыщающей этничность. Впрочем и письменная традиция занимает видное место в рейтинге, особенно среди русских: на Севере 26 % русских назвали литературу признаком этничности (среди хантов — 21 %, среди коми — 14 %); на Юге также «литература» отмечается чаще русскими (8 %), чем нагайбаками (4 %).

Интервью более явственно, чем анкетирование, выявляет в литературе основу русско-этнокультурного наследия и русской идентичности. В ответах на вопрос «Выдающиеся люди вашего народа» у русских уверенно лидирует Пушкин, опережая Ленина и Гагарина (прав Е. Евтушенко: «поэт в России — больше, чем поэт»). Невысокий индекс «литературы» в анкетах (особенно на Юге) свидетельствует о том, что у русских эта очевидная составляющая этничности «не лежит на поверхности», хотя легко выявляется в обстоятельной беседе. У русских позиции этничности вообще менее «артикулированы» и обычно смешаны с гражданской российской идентичностью. Кроме того, подспудно довлеет убеждение, что этничность — непременно старина (фольклор), а не актуальная современность (литература), что она имеет отношение к традициям, а не к новациям.

Ситуативных проявлений значения русской литературы сегодня меньше, чем во времена популярности почвенничества (русских «деревенщиков» — В. Астафьева, В. Распутина, В. Белова, Ф. Абрамова и др.), не говоря уже об эпохе русско-российского нациестроительства, о «золотом» и «серебряном» веках русской литературы. Сегодня «поэт в России — меньше, чем спортсмен»: судя по анкетированию, для современной этничности более актуальны спортивные победы. На вопрос «В каких ситуациях Вы испытываете гордость за свою национальность?» преобладает ответ «Победы в спорте» (19 % на Севере, 12 % на Юге), причем русские (39 % на Севере и 27 % на Юге) заметно опережают своих соседей — хантов (15 %), коми (8 %) и нагайбаков (7 %).

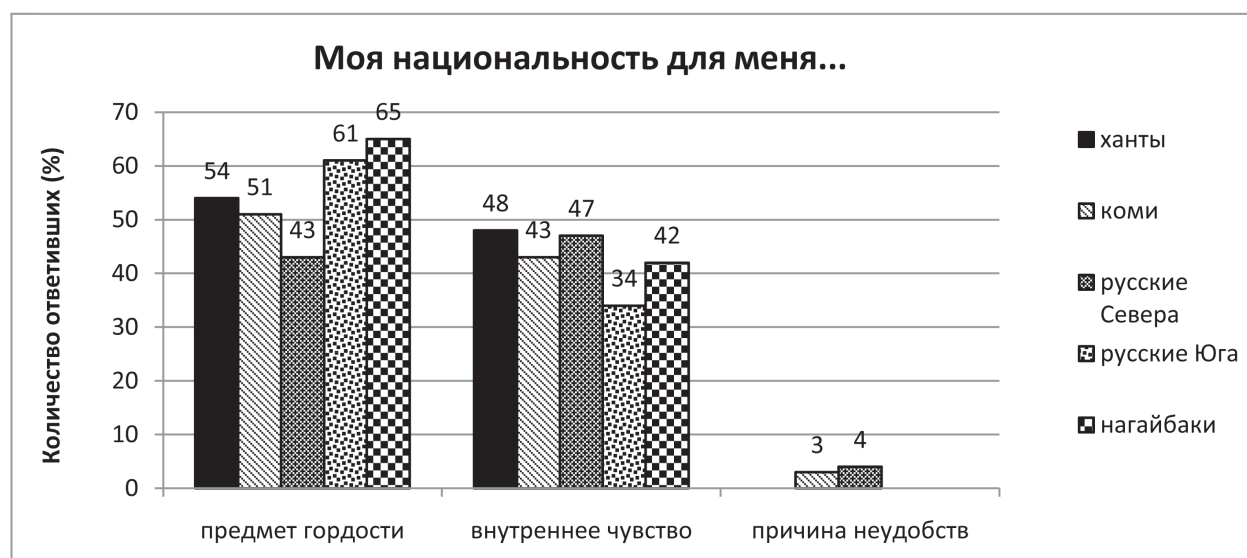
В интервью выясняется, что речь идет не о русских/российских соревнованиях и видах

спорта, а об участии русских/российских спортсменов в международных турнирах (тогда как ханты чаще подразумевают национальные виды спорта). В этих переживаниях обычно больше ожидания, чем удовлетворения. Если в зимних видах спорта (хоккей, биатлон, фигурное катание) болельщик время от времени торжествует, то в летних (особенно это касается футбола) — хронически страдает. Футбольные грезы обрекают русских на вторичность вплоть до восприятия как блага «футбольной колонизации» России (с культом зарубежных тренеров и игроков). На свой лад протест по этому поводу выразил южноуральский казак В. Голиков в яростном антифутбольном монологе на сенокосе: «Двадцать два мужика бегают по полю, пинают мячик! Лучше бы сено копнили! Или косили — кто быстрее скосит. У меня вот тут и физкультура, и польза. А у этих футболистов одна показуха».

В вопросе об этнической гордости за «спортом» следуют «национальные фестивали/праздники» (11 % ответов на Севере, 5 % — на Юге). Этот индекс обеспечен ответами коми (22 %), хантов (9 %) и нагайбаков (7 %); у русских Севера и Юга в этой графе значится унылый «0». Очевидно, русская этничность «сохнет» без искренней праздничности: в свое время богатая праздничная культура русских была революционно заменена советской, а с ее закатом наступило «беспраздничное уныние». Его не оживляют ни затянутые новогодние и майские «каникулы», ни импортные увеселения (вроде Хэллоуина или Дня св. Валентина), ни множась «корпоративы».

Зато у русских есть особый оттенок этнической гордости — «достижения в науке» (13 % ответов на Севере). Вряд ли этот показатель можно расценить как комплимент составителям анкеты. На вопрос о выдающихся соотечественниках именно русские указывают в анкетах М. В. Ломоносова, Д. И. Менделеева, а из современников — Ж. И. Алферова. Эта грань современной русской этничности, да еще в разряде «гордость», кажется иронией лишь на фоне сегодняшних реформ в сфере науки и образования. На самом деле этничность науке (и научность этничности) была задана на заре русского нациестроительства тем же Ломоносовым, а позднее поддержана тем же Менделеевым. И сегодняшней науке полезно знать, что она не только глобальная и международная, но и вполне этничная по своей значимости для соотечественников.

Рис. 3

Поскольку этничность в такой же степени интимна, в какой и публична, в анкету был включен вопрос «Моя национальность для меня...» и предложены ответы: «предмет гордости», «внутреннее чувство», «причина неудобств» (рис. 3). Очевидно, что один ответ не исключает другого, и все же по выраженному предпочтению Юг в сравнении с Севером выглядит более «экстравертным» (если уместен здесь термин из лексикона К. Юнга). На Юге этничность служит предметом гордости для 65 % респондентов, в том числе для 65 % нагайбаков и 61 % русских, тогда как на Севере таких ответов всего 49 % (54 % хантов, 51 % коми и 43 % русских). В свою очередь «этническая интровертность» (национальность — внутреннее чувство) более свойственна северянам (46 %, в том числе 48 % хантов, 47 % русских и 43 % коми), чем южанам (38 %, в том числе 42 % нагайбаков и 34 % русских). «Причиной неудобств» этничность назвали лишь несколько человек (2 %) на Севере (3 % коми и 4 % русских).

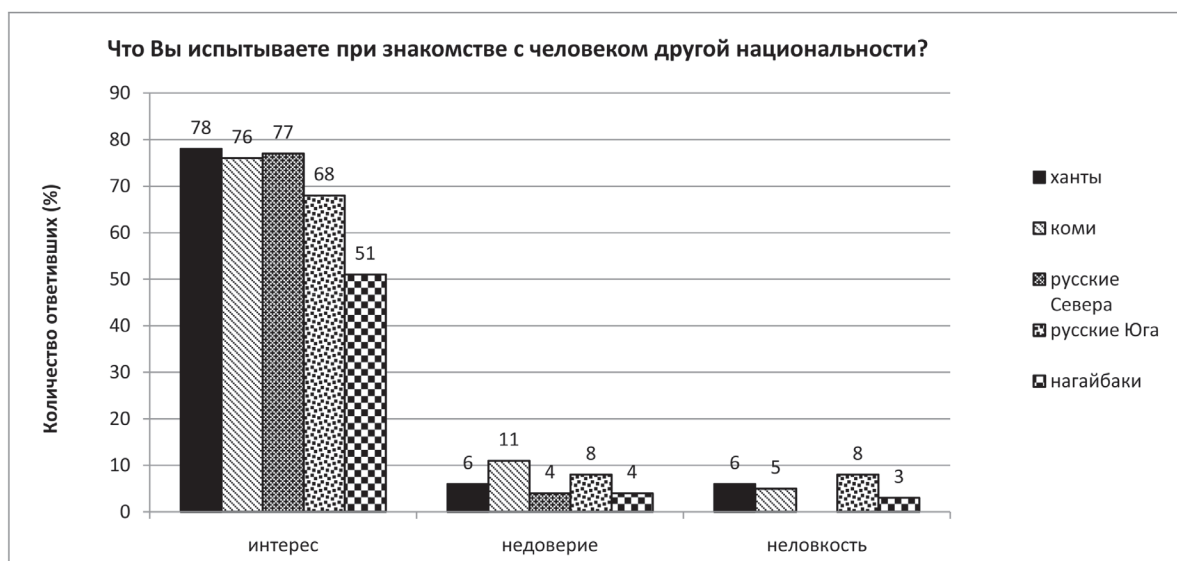
Наиболее выраженными «этническими экстравертами» выглядят нагайбаки, что связано, вероятно, с их манерой поведения и самовыражения, а также с недавним приобретением/возвращением статуса самостоятельного народа («этностроительство» нагайбаков под началом А. М. Маметьева вообще заслуживает особого описания). При этом нагайбакам «тесно» в южноуральских степях: пользуясь тем, что их селения (Париж, Фершампенуаз, Кассель и др.) названы в честь побед русской армии над Наполеоном, они предприняли осенью 2012 г. поездку по европейским городам-тез-

кам, а весной 2013 г. уже гости из французского Фершампенуаза нанесли ответный визит в Нагайбакский район. Нагайбаки с удовольствием вспоминают прогулки по французскому Парижу, но хранят привязанность к своему уральскому Парижу, создают в своих селах музеи нагайбакской культуры и поют в Европе нагайбакские песни под гармонь (см. фильм С. Белоруссовой «Из Парижа в Париж»).

Русским более свойственна «этническая интровертность», обусловленная этикой сдержанности самовыражения большого народа и наслоениями русской/российской идентичности (любая попытка актуализации русской этничности чревата эффектом «великодержавного шовинизма»). Осложняет «артикуляцию» русской этничности и ее многослойность, в том числе религиозная (церковность, староверие, неоязычество, большевизм, атеизм), сословная (чиновничество, интеллигенция, пролетариат, крестьянство), локально-культурная (казаки, поморы, москвичи, группы эмиграции и др.). Впрочем «интровертность» лишь создает иллюзию слабости или безразличия, но сохраняет ресурс многообразной ситуативной активации.

Этничность русских замысловата и чем-то напоминает матрешку. Кстати, именно матрешку русские Севера (13 %) назвали своим этническим брендом; среди русских Юга матрешка заняла вторую строчку в рейтинге (11 %), уступив бренду «казак» (15 %), который русские уральцы разделяют с нагайбаками (9 %). Ханты своим главным этническим брендом назвали стерха (18 %), коми — зырянский костюм (19 %).

Рис. 4

На перекрестках

Север и Юг — районы этнических контактов и пересечения путей. Шурышкарский район расположен на Обской магистрали, где издавна взаимодействовали ханты, коми и русские; Нагайбакский район находится на пограничье степи и лесов, где прежде проходила «Новая линия» Оренбургского казачьего войска. Культура межэтнических контактов, включая культуру этнодиалога, была и остается в обоих районах залогом безопасности и благополучия.

На вопрос «Что Вы испытываете при знакомстве с человеком другой национальности?» жители Севера и Юга в большинстве своем выбрали ответ «интерес» (76% на Севере, 56% на Юге, в том числе 78% хантов, 77% русских Севера, 76% коми, 68% русских Юга, 51% нагайбаков) (рис. 4). Ответ «недоверие» собрал 8% голосов на Севере и 5% — на Юге, в том числе 11% ответов коми, 8% — русских Юга, 6% — хантов, по 4% — русских Севера и нагайбаков. «Неловкость» отметили 4% жителей как Севера, так и Юга, в том числе 8% русских Юга, 6% хантов, 5% коми, 3% нагайбаков. Опуская детали и погрешности, в этом замере можно видеть общий позитивный настрой на межэтнический диалог с незначительным налетом ксенофобии (в ответах «недоверие» и «неловкость»).

Этот «интерес» к людям другой национальности реализуется в межэтническом свойстве/родстве на уровне браков и метисации. Судя по анкетам, у 70% коми в родне есть русские, у 35% — ханты; у 48% хантов в родне есть русские, у 36% — коми; у 57% нагайбаков в родне

есть русские, у 22% — татары, у 18% — казахи и украинцы; у 34% русских Севера в родне есть коми, у 17% — ханты; у 34% русских Юга в родне есть нагайбаки, у 30% — украинцы, у 15% — татары, у 8% — казахи.

Как видно, наибольшую открытость в межэтническом «породнении» демонстрируют коми и нагайбаки, особенно в отношении русских. В случае коми можно говорить даже не о трансграничье, а об отсутствии брачной границы с русскими. В целом русские оказываются у всех соседних групп самой популярной стороной приобретенного родства. Сами русские демонстрируют относительную сдержанность в межэтнических браках, что соответствует упомянутой выше характеристике «этнической интровертности».

У представителей всех народов преобладают нейтральные и позитивные оценки смешанных браков: 60% северян и 44% южан отметили нейтральную позицию «связывает разные народы» (68% коми, 65% русских Севера, 57% хантов, 44% нагайбаков и 42% русских Юга); 35% северян и 20% южан высказались позитивно — «дает хорошее потомство» (37% коми, 33% хантов, 30% русских Севера, 22% нагайбаков и 19% русских Юга). При этом заметно, что относительно «хорошего потомства» русские чуть менее оптимистичны, чем их соседи. Негативный ответ «разрушает народ» дал каждый пятый (21%) житель как Севера, так и Юга, в том числе 30% хантов, по 22% русских Севера и нагайбаков, по 11% русских Юга и коми.

В позиции хантов высоки все три индекса, и в ряде ответов они сочетаются друг с другом

(межэтнический брак действительно может одновременно связывать разные народы, по своему разрушать этничность и при этом давать хорошее потомство). И все же состояние меньшинства (хотя на Шурышкарской Оби и Сыне ханты в большинстве) вынуждает их проявлять особую заботу о своем народе. Кстати, в ответах русских Севера позиция «разрушает народ» нередко относится не к самим русским, а именно к хантам.

При характеристике негативных сторон смешанных браков многие ханты делают акцент на «потере культуры» (36%), русские Севера и Юга — на «непонимании/проблемах» (по 30%). У открытых к межэтническим бракам коми эти значения заметно ниже (соответственно — 8% и 11%). У нагайбаков индекс «проблемы/непонимание» невысок (16%), однако в 15% ответов звучит беспокойство относительно религиозных конфликтов или смены религии (очевидно, в браках православных нагайбаков и мусульман татар и казахов).

Прорыв «интровертности» обнаруживается в высокой оценке моноэтнического брака русскими Юга (43%) и Севера (39%) как условия «сохранения культуры/традиций». Индексы хантов (36%), нагайбаков (33%) и коми (27%) по этому показателю ниже. Кроме того, русские Юга отметили в качестве достоинства моноэтнического брака «взаимопонимание/бесконфликтность» (27%).

Еще одним замером межэтнической коммуникации служит пункт анкеты о друзьях. Так, «люди моей национальности» преобладают среди друзей коми (62%), хантов (60%), русских Севера (60%). При этом у 73% коми есть русские друзья, у 35% — ханты; у 63% хантов есть русские друзья, у 57% — коми. Среди нагайбаков 44% имеют в друзьях русских, 42% — казахов, 17% — татар. У 39% русских Севера есть друзья коми, у 32% — ханты; у 23% русских Юга среди друзей есть нагайбаки и казахи. Понятие дружбы субъективно, и все же по результатам подсчета видно, что наиболее открыты к дружеским межэтническим связям коми и ханты, среднюю позицию занимают нагайбаки, а русским в этом отношении свойственна сдержанность.

На вопрос анкеты «Что помогает избежать национальных конфликтов?» представители всех народов упомянули дружбу (дружелюбие). Кроме того, наиболее частыми по этому пункту были следующие ответы: у хантов — взаимопонимание, уважение к другой

культуре, спокойствие/терпимость, общение; у коми — разум, такт, информация, взаимоотношения; у нагайбаков — взаимопонимание, уважение к другой культуре, сплоченность; у русских Севера — разум, спокойствие, информация; у русских Юга — взаимное уважение, взаимопонимание.

Обмен мнениями

Анкета предлагает указать «достоинства вашего народа», «недостатки вашего народа», а также охарактеризовать каждый из соседних народов. Чтобы не перегружать обзор, я ограничусь при характеристике каждого народа тремя позитивными и тремя критическими самооценками (в порядке рейтингового убывания), а затем приведу мнения соседей.

Нагайбаки своими главными достоинствами считают трудолюбие, гостеприимство и чистоплотность (кроме того, упоминаются дружелюбие, храбрость и «семейность»). Трудолюбие как ключевая самооценка нагайбаков лидирует среди других положительных черт с явным отрывом, причем эту характеристику можно считать уже традиционной: в Фершампенуазе выходит газета «Деловой нагайбак»; в парижской нагайбакской песне есть слова «Нагайбаки — трудолюбивый народ; / когда они работают, их руки словно играют». Своими отрицательными чертами нагайбаки называют зависть, пристрастие к спиртному и плохое знание родного языка.

По мнению соседей-русских, нагайбакам свойственны прежде всего чистоплотность, гостеприимство и трудолюбие. Это единственный случай, когда триады основных самооценок и внешних оценок совпадают (без учета рейтинга). В целом спектр русских оценок широк и включает как положительные характеристики (дружелюбие, храбрость, удаль и др.), так и отрицательные (зависть, злость, грубость, «мания величия» и др.). При этом нагайбакам и русским свойственно взаимное расположение, скрепляемое казачьей идентичностью и православием. В отношении друг друга они не указывают такую черту, как «хитрость», часто адресуемую другим соседям — татарам и казахам.

Триада позитивных самооценок русских Юга включает доброту, гостеприимство и стойкость. За ними в перечне характеристик следуют честность, трудолюбие, открытость, мужество, дружелюбие, терпение (есть и многозначительное высказывание «русский и в Африке русский»).

Своими слабостями русские Юга считают пьянство (с большим отрывом), зависть, забвение родства и обычаев, доверчивость, грубость, лень, слабохарактерность.

Нагайбаки главными чертами русских называют открытость, слабость к выпивке и доброжелательность. Список положительных качеств включает также душевность, доброту, общительность, простоту, храбрость, свободолюбие (речь идет прежде всего о казаках), честность, гостеприимство, хорошую национальную кухню. Среди отрицательных характеристик называются халатность, лень, наглость/бесцеремонность, грубость, лживость, болтливость. Очевидно, в данных оценках большую роль играет персонификация русскости, благодаря чему ей приписываются противоположные свойства, например честность и лживость.

Русские Севера сходны в самооценке с «южанами», считая своими основными достоинствами доброту, открытость и отзывчивость. В списке позитивных черт следом идут трудолюбие, гостеприимство, дружелюбие, храбрость, выносливость, приспособляемость, покладистость, подвижность, разумность, любовь к природе. Список недостатков возглавляет (с пугающим преимуществом) пьянство, за которым следуют лень, работа спустя рукава, безалаберность, разобщенность, надежда на авось. Иногда самооценки русских напоминают самоистязания: «простофиля», «дурак», «Иван-дурак» (особенно щедры на подобные выволочки женщины).

Коми выделяют в русских трудолюбие, широту души и смелость (отвагу, удачу, мужество), затем ум, щедрость, дружелюбие, общительность, сострадательность, веселый нрав, свободолюбие. В числе недостатков русских они называют слабость к алкоголю, необязательность, наглость, высокомерие. Впрочем эти и другие отрицательные черты не мешают коми считать русских самыми близкими из всех соседних народов (что отчетливо проявляется в брачных ориентациях) и даже выражать им признательность (например, «русские обучили зырян грамоте»).

В глазах хантов русские главным образом добрые, целеустремленные и наглые. Этот амбивалентный стиль свойствен отношениям хантов к русским вообще; и дело, пожалуй, не в том, что одному ханту достался в соседи добрый русский, а другому злой, а в двойственности этих отношений — готовности к контакту и

конфликту — со времен русской колонизации Урала. Поэтому (в анкетных ответах) русский для ханта одновременно вежливый и наглый, нервный и спокойный, хороший и плохой. Один из ответов удачно выражает оттенок этой амбивалентности — «с опаской». Кроме того, ханты отмечают интеллектуальные качества русских — любопытство, ум, тягу к грамоте.

Коми считают своим главным достоинством трудолюбие (в беседах это подтверждается восклицаниями: «Наш народ мастеровой!»), за которым следуют гостеприимство и предприимчивость. Репутация торговцев давно утвердилась за коми-зырянами, а пристань с. Мужики известна своей «зырянской торговлей». По словам коми С. Г. Попова, фотографа и владельца фотостудии, коми любят поговорить на тему «каждый коми — предприниматель». В числе положительных черт называются также доброта, аккуратность, стойкость, рассудительность, ловкость (один из коми назвал достоинством «хитрость»). Своими слабостями коми считают пьянство (с заметным отрывом), стеснительность и скупость.

Русские отмечают в коми прежде всего трудолюбие, а также гостеприимство, приветливость, быстроту, общительность, разговорчивость (до болтливости). Список отрицательных черт включает упрямство, «прижимистость», «себе на уме», скупость (русский может сказать о коми: «У них и снега зимой не допросишься!»). Русские издавна признавали в коми торговую хватку (что отозвалось, например, в прозвище «северные евреи») и часто уступали им функцию торговли в симбиозе, сложившемся между коми и русскими в ходе колонизации Урала и Сибири, скрепленном православием и совместным контролем над осваиваемыми территориями.

«Хитрость» — главная черта коми, судя по ответам хантов; за ней следует гостеприимство. Двойственность во взгляде ханта на коми имеет те же корни, что и в отношении к русским. Более того, контакты коми с хантами значительно плотнее, поскольку коми, в отличие от русских, населявших административные форпосты, занимали со своими стадами оленные пастбища и промысловые угодья хантов. С одной стороны, ханты отмечают открытость, общительность и доброжелательность коми («как к брату обращаешься»). С другой стороны, ханты видят в коми жадность, скупость и вороватость, что, впрочем, не мешает им ценить их доброту и ум.

Триада основных самооценок-достоинств хантов включает самобытность (с вариациями на тему «сохранности культуры и обычаев»), гостеприимство и трудолюбие. Кроме того, своими достоинствами ханты называют доброту, открытость, простоту, выносливость, спокойствие. С этими качествами в самооценках соседствуют негативные свойства: беспечность, неуверенность, лень, иждивенчество, подчиненность, «зависть к сильным мира сего». При этом самой значительной слабостью хантов, по их собственному обобщенному мнению, остается пристрастие к выпивке.

В глазах коми ханты выглядят противоречиво: они одновременно добрые и злые, хитрые и честные, упрямые и ненастойчивые, веселые и сердитые; они гостеприимны и доброжелательны, но обидчивы и не прощают обид. Их самобытность расценивается коми, с одной стороны, как приверженность традициям, с другой — как «национализм». Они трудолюбивы, искусны в промыслах и домашних ремеслах, но ленивы и «склонны к иждивенчеству». В этих характеристиках, помимо амбивалентности взаимных оценок коми и хантов, проявляется негативное отношение коми к статусу хантов как коренного малочисленного народа, подкрепленному соответствующими льготами. Вообще эти «льготы по национальному признаку» вызывают у ведущих вполне «традиционный образ жизни» оленеводов-коми немало нареканий. Судя по анкетам и интервью, контроверза льгот остается болевой точкой в межэтнических отношениях на Севере.

Русские отмечают «ревностное отношение» хантов к своим обычаям, почитание ими предков, священных мест. Поскольку в последние годы хантйские ритуалы — Вороний день, День Середины лета — превращаются в региональные межэтнические праздники, русские принимают в них участие и «причащаются» к традициям хантов (что вызывает неоднозначную реакцию самих хантов). Русские, как и коми, отмечают в хантах гостеприимство, доброту и отзывчивость, но вместе с тем замкнутость, злопамятность и «упертость» (русские женщины иногда добавляют к этому списку еще и упрек в неряшливости). В вопросе о льготах русские менее категоричны, чем коми, но и они не обходят молчанием эту «надежду на государство» и проистекающую из нее «лень». Именно льготы больше прочего способствуют распространению представлений о хантах как о ленивом народе.

Примечательно, что русские и ханты во взаимных оценках избегают упоминаний об «алкоголизме», будто придерживаются этики общей вины/беда — не корят другого в собственной слабости. Впрочем в последние годы алкогольная картина меняется: если раньше притчей во языцех было пьянство коренных северян, то сегодня во многих поселках у хантов вошла в моду трезвость, и уже русские смотрятся на их фоне «злоупотребляющими».

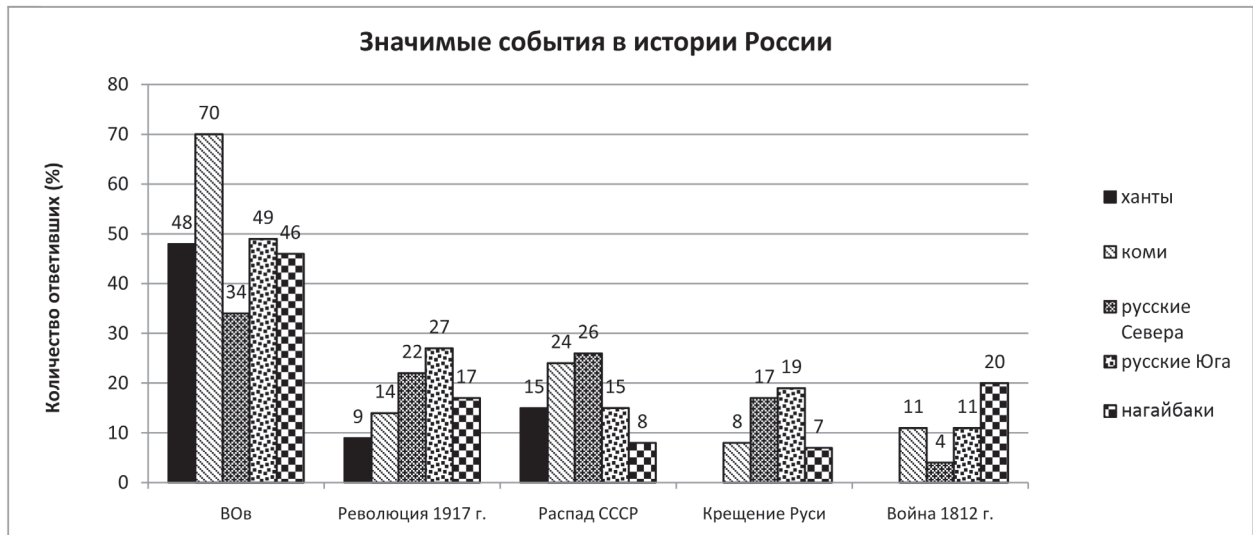
Приведенный «анкетный диалог» содержит суждения об этнических свойствах в широком диапазоне — от похвалы до критики и шуток. Само по себе многообразие характеристик — признак «объемной этничности». Разносторонность оценок, самого народа и народов-соседей, позволяет ситуативно настраивать межэтническую коммуникацию (скажем, «общительность» соседа приобретает разные оттенки с дополнениями «доброта» или «хитрость»). Пожалуй, самокритичнее других выглядят русские, которые не жалеют для себя хлестких определений. Им свойственна самоирония в стиле «что за удовольствие от бани, если не похлестать себя веником», а также привычка сетовать на трудности и каяться, даже при анкетировании. В целом же — это признак культуры этнодиалога — в самооценках всех народов настойчиво подчеркивается гостеприимство, будто участники «анкетного диалога» зазывают друг друга в гости.

Смежные идентичности

Вопрос «Мешает ли принадлежность к разным национальностям людям, живущим в России, чувствовать себя единым народом?» вызвал отрицательные ответы у 66% коми, 57% русских Юга, 56% русских Севера, 56% нагайбаков и 48% хантов. Это значит, что более половины наших собеседников видят в себе и других непротиворечивый баланс этнической и гражданской (российской) идентичностей. Повышенная открытость к «единству разных» у коми и относительная закрытость в этой позиции хантов выявляют очередную грань «этнической экстравертности» одних и «интровертности» других.

На вопрос «В каких случаях Вы испытываете гордость за то, что Вы — гражданин России?» каждый пятый южанин и каждый третий северянин ответили «всегда», в том числе 35% коми, 30% русских Севера, по 27% русских Юга и хантов, 17% нагайбаков. Спектр ситуаций оказался неширок, сходясь в основ-

Рис. 5

ном в строчку «спортивных побед» (27% русских Юга, 26% русских Севера, 21% нагайбаков, 18% хантов, 14% коми). Значительно реже упоминаются другие ситуации: «воспоминания о славном прошлом России» (9% русских Севера, 8% коми), проявление «военной мощи» (9% русских Севера, 3% коми, 3% хантов), «когда страна лидирует в мире» (8% нагайбаков), «когда нет вражды между нациями» (5% русских Севера, 3% коми, 3% хантов), 9 мая (3% нагайбаков), когда звучит российский гимн (9% русских Севера), получение гражданского паспорта (5% коми, 3% хантов).

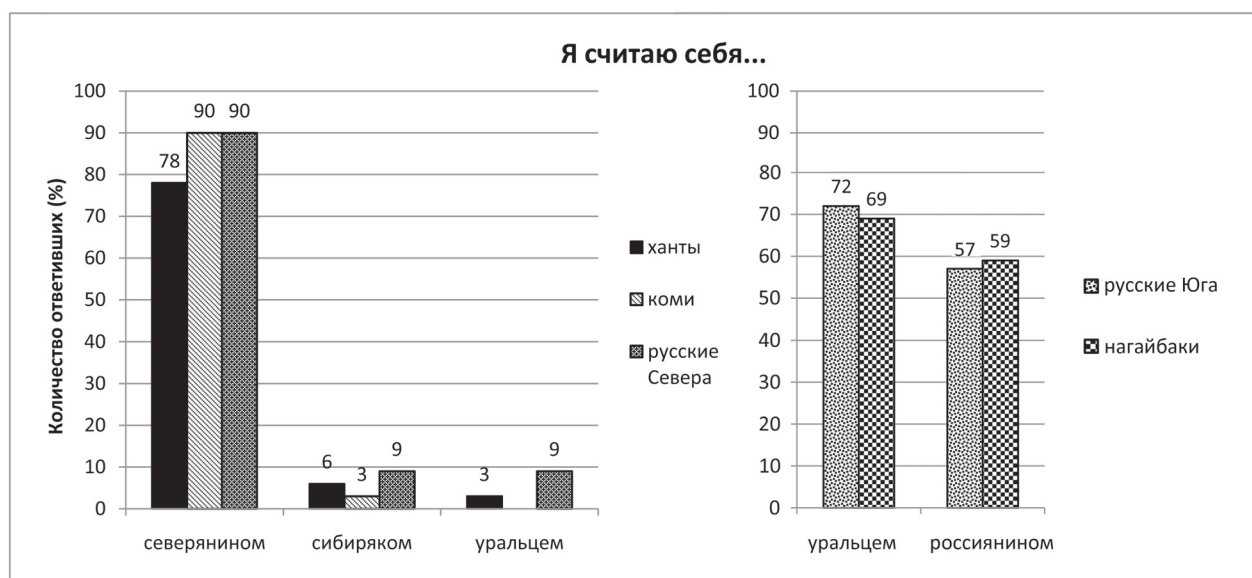
Из значимых для гражданской идентичности событий российской истории первенствует Великая Отечественная война (70% коми, 49% русских Юга, 48% хантов, 46% нагайбаков, 34% русских Севера). За ней следует Октябрьская революция 1917 г. с Гражданской войной (27% русских Юга, 22% русских Севера, 17% нагайбаков, 14% коми, 9% хантов). Распад СССР занял третью строчку в рейтинге (при этом никто не упомянул создание СССР). Крещение Руси и Отечественная война 1812 г. делят четвертую и пятую позиции, при этом ханты не упомянули ни того ни другого, а рейтинг войны 1812 г. заметен благодаря голосам казаков Южного Урала (20% нагайбаков, 11% русских Юга), чтящих подвиги предков в наполеоновских войнах. Ниже в списке событий оказались «перестройка», полет Гагарина, монголо-татарское иго, путч 1991 г., продажа Аляски, I Мировая война, «президентские выборы». Как видно, очагами генерирования российской идентичности были и остаются пики национальной мобилизации — войны и революции (рис. 5).

В этом отношении показателен «российский пантеон» (составленный по ответам на вопрос «Выдающиеся люди России — из истории»). На его вершине почти повсеместно — Петр I (47% русских Севера, 39% коми, 27% хантов, 18% нагайбаков), и только у русских Юга лидирует Сталин (23%). В списке немало других политиков и полководцев (в порядке убывания рейтинга): Суворов, Жуков, Екатерина II, Столыпин, Ленин, Иван Грозный, Александр Невский, князь Владимир, Чапаев. Впрочем в чести и люди творчества: Ломоносов, Пушкин, Лев Толстой, Лермонтов, Есенин. На Севере совокупный межэтнический «российский пантеон» выглядит, с позволения сказать, идеально, по формуле «государство–наука–искусство» — Петр I (35%), Ломоносов (15%), Пушкин (14%).

Национальные, или этнические «пантеоны» иногда говорят об идентичности больше, чем концептуальные формулировки. Примечательно, что во главе этнических «пантеонов» (согласно ответам на вопрос «Выдающиеся люди вашего народа») стоят люди творчества: у коми — писатель И. Истомина (81%), у русских — поэт А. Пушкин (на Севере 26%, на Юге 15%), у хантов — писатель Р. Рутин (57%), и только у нагайбаков эту позицию занимает краевед и общественный деятель А. Маметьев (33%). В самом общем виде можно заключить, что гражданская идентичность исходит из политики, этническая — из культуры.

Далеко не все жители Урала считают себя уральцами. На Полярном Урале лишь каждый 25-й (4%) из опрошенных назвал себя уральцем; 6% определили себя сибиряками, а подавляющее большинство (84%) — северянами. На

Рис. 6

Южном Урале «уральцев» существенно больше (69%) отчасти потому, что здесь попросту нет удобных гео-региональных альтернатив. Даже в позициях русских Севера и Юга, при общем их сходстве, географические самоопределения заметно расходятся: на Юге «уральцев» 72%, на Севере — 9%, зато здесь 90% — «северяне» (рис. 6).

Речь идет о географической, или региональной, идентичности, которая обычно не доминирует и полна ситуативных условностей (например, географические уральцы ненец и башкир не называются «земляками» до тех пор, пока не встретятся вдали от Урала — где-нибудь в Крыму — или не сойдутся в одной геологоразведочной партии где-нибудь на Пай-Хое). В российской (евразийской) ментальности Урал — понятие больше пограничное, чем региональное, хотя в пределах от Арктики до Великой степи и от Волги до Оби он сопоставим по размерам с Европой. Во все времена он был сетью путей и коммуникаций, а не замкнутым ареалом. Соответственно, ему свойственна не автономная идентичность, а палитра наслаивающихся, взаимодополняющих и по-своему конкурирующих идентичностей, в том числе региональных.

Уральская идентичность рождается не по периметру горной страны, а в очагах освоения и развития. Был ли когда-либо Урал целостной страной? Гипотетически можно допустить «уральское единство» применительно к глубокой древности (условно — к началу голоцена), когда пространство Урала населяли предки народов уральской языковой семьи, расселив-

шиеся затем по просторам Евразии от Скандинавии и Венгрии до Таймыра и Алтая (а с учетом юкагиров — и до Чукотки). Урал как ареал «горнозаводской цивилизации» обозначился с петровских времен. Регионостроительство в прошлом и настоящем не лишено географических и этнографических оснований, но определяется административной и экономической политикой. Сегодня связующим для Урала служит Уральский федеральный округ, а также звучный (еще недавно) проект «Урал Промышленный — Урал Полярный». В ходе реализации этого магистрального для региона проекта уральская идентичность может распространиться на Север, где сегодня доминирует арктическая/северная региональная идентичность.

На Урале народы расселены не компактно, а мозаично, поэтому судьбы отдельных этнических групп различимы здесь не сами по себе, а в контексте контактов и диалогов. Тем важнее разобраться в сложном уральском этнодизайне, сложившемся за столетия в ходе множества миграций, адаптаций и колонизаций. В этноистории Урала читаются эпохи метрополий (уральской прародины, Великой Венгрии, Каменной самояди), когда рождались магистральные уральские культуры, распространявшиеся по обширным пространствам Евразии. Читаются и периоды внешней колонизации (индоевропейской, тюркской, российской, советской), когда Урал входил в сферу контроля иноземных метрополий

и культур. В многообразии этнокультурных контактов, продолжающихся и поныне, на Урале выработалась самобытная культура этнодиалогов. Этноистория Урала дает примеры симбиоза народов и формирования новых сообществ. Так, история уральского казачества протекала в контексте межэтнического взаимодействия с участием русских, украинцев, башкир, татар, калмыков (одним из его производных сообществ стали нагайбаки). Северные русские и коми совместно осваивали вос-

точные пространства в ходе «чрезкаменной» колонизации, и до сих пор их взаимоотношения сохраняют качество симбиоза.

Изыскания Уральской ЭтноЭкспедиции открывают перспективу систематического изучения этнокультурного наследия, народов, культур, межэтнического диалога и этнофеноменологии крупнейшего евразийского перекрестка путей и контактов с целью создания обобщенного обзора и атласа «Этнопанорама Урала».

Ключевые слова: *Урал, этничность, русские, коми, ханты, нагайбаки*

Andrei V. Golovnev

Member of the RAS, Institute of History and Archaeology,
Ural branch of the RAS, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: *Andrei_Golovnev@bk.ru*

URAL ETHNO-DIALOGUES

Polar, Northern, Central, and Southern team-groups of the Ural Ethno-Expedition conduct the field ethnographic research in various areas of the Urals from the Arctic to the Steppe. The main thematic aspects are: the Ural as ethnic crossroads; tradition and innovation correspondence; ancient and contemporary routes and communications, variety and context of identity; culture of ethnic dialogue, ethno-photo, and ethno-film. In 2012 the observations and interviews were supplemented with the questionnaire “Ethno-cultural heritage and identity.” The questionnaires data collected among Khanty, Komi, Nagaibaks, Northern and Southern Russians are represented in such dimensions as “Angles of Ethnicity” (ethnic values and heritage), “On the Crossroads” (interethnic communications), “Exchange of Views” (self-evaluations and inter-evaluations of the neighboring peoples), “Contiguous Identities” (civil national and regional identities).

Key words: *Ural, ethnicity, Russians, Komi, Khanty, Nagaibaks*

REFERENCES

- Golovnev A. V. *Ural'skij istoriceski vestnik* (Ural Historical Journal), Ekaterinburg, 2011, № 2 (31), pp. 40–49. (in Russ.).